

Редакция журнала публикует статью профессора Инессы Львовны Зеленковой (1947—2014), вся профессиональная деятельность которой в течение более 40 лет была связана с Белорусским государственным университетом. В 1972 г. она с отличием закончила отделение философии БГУ и поступила в аспирантуру. В 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема смысла жизни в русском этическом иррационализме конца XIX — начала XX в.» в Специализированном совете Ленинградского государственного университета по специальности „Этика“. В 1974 г. И. Л. Зеленкова начала педагогическую деятельность в должности преподавателя БГУ, в 1982 г. ей присвоено звание доцента, а в 2003 г. — звание профессора кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

И. Л. Зеленкова являлась ведущим специалистом в Беларуси в сфере этического знания. Ее научные интересы были сосредоточены в области исследования истории этических идей, теоретических проблем «практической философии» как стратегии «правильной жизни», высших моральных ценностей, философии морали, методологических и методических оснований этики. Своей главной установкой в педагогической работе И. Л. Зеленкова считала использование результатов этих изысканий в процессе преподавания этики. Многочисленные учебники по этике, написанные ею, широко известны и пользуются популярностью не только в Беларуси, но и за ее пределами — в России и Украине.

Профессор И. Л. Зеленкова ориентировалась на постоянное внедрение новаторских форм преподавания и организации самостоятельной работы студентов, осуществляла успешное руководство курсовыми, дипломными и студенческими научными работами, а также диссертационными исследованиями аспирантов. И. Л. Зеленкова всегда ориентировалась на высокую профессиональную и моральную репутацию.

За годы работы в Белорусском государственном университете она была членом Специализированного совета по защите кандидатских диссертаций, длительное время руководила Методической комиссией факультета философии и социальных наук. В 2001 г. за разработку научной концепции этических знаний и создание серии учебных пособий нового типа по этике И. Л. Зеленковой была присуждена премия им. В. И. Пичеты, а в 2011 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник БГУ». За большой личный творческий вклад в развитие высшего образования, подготовку кадров И. Л. Зеленкова награждена Почетной грамотой Министерства образования и Почетной грамотой БГУ.

Публикуемый текст И. Л. Зеленковой выражает квинтэссенцию представлений профессора этики о сущности своей науки и ее миссии.

УДК 17

Специфика этического знания и особенности приобщения к нему

И. Л. Зеленкова, кандидат философских наук, профессор

Статья содержит представления профессора этики о сущности этической науки и ее миссии. В статье анализируется содержание этического знания как специфического феномена «практической философии». Этическое знание создает уникальную возможность обеспечения человеку «встречи» с самим собой и с другими, пониманию путей, ведущих к ней. «Практическая философия» приглашает к сознательному жизненному творчеству любого «ученика», получающего равное с другими право на заполнение пространства этического знания, даже если его опыт такого рода остается незамеченным или вступает в противоречие с иными ценностными установками.

Ключевые слова: этика, этическое знание, практическая философия, философия морали, воспитание, нравственность.

Specificity of Ethical Knowledge and Features of Joining It

I. L. Zelenkova, PhD in Philosophy, Professor

The text contains quintessence of ideas of the professor of ethics about essence of the ethical science and its mission. Content of knowledge in ethics as a special phenomenon of ‘practical philosophy’ is analyzed. The knowledge creates a unique possibility of person’s meeting with himself or the others and understanding of the ways to it. ‘Practical philosophy’ invites every ‘pupil’ to create his own project of life consciously and equally participate in development of ethical science, even if the attempts are unsuccessful or contradict to other value orientation.

Keywords: ethics, ethical knowledge, practical philosophy, moral philosophy, education, morality.

В отличие от других видов знания, имеющих дело с объектами *частного* по отношению к человеческой судьбе характера и не всегда *прямо* касающихся этой судьбы, этику можно в определенном смысле считать знанием *универсальным*, т. е. необходимым *любому* человеку (точнее, тому, кто стремится быть Человеком) вне зависимости от его частных (тоже немаловажных, конечно) проявлений пола, возраста, национальности, профессии и т. п. Это связано с тем, что этика, исследуя мораль — универсальный способ регуляции человеческих отношений — стремится выработать стратегию «правильной жизни», другими словами, ответить на *общий* для всех людей вопрос «Как следует жить?». Поэтому этическое знание содержит в себе возможность *практического* применения его результатов в реальном опыте конкретной личности. Предлагаемые этикой идеалы как бы нацелены на то, чтобы уникальное «Я» гармонично соединялось с уникальностью «Другого», чтобы самоценная личность могла вписываться в социальное бытие без его дестабилизации. Эта возможность актуализируется тогда, когда человек не просто обладает информацией относительно какого-то фрагмента этического знания (хотя без этого, конечно, не обойтись), а обнаруживает (рационально или эмоционально или «на грани», во взаимосвязи этих состояний) *созвучие* узнанного, понятого фрагмента собственному бытию. Другими словами, только в случае индивидуальной интерпретации (глубокого внутреннего усвоения) этическое знание становится для индивида настоящей ценностью, способной влиять на его сознание и, соответственно, реальную жизнь.

Удовлетворение потребности в «идейном руководстве» с помощью этического знания осуществляется без ущерба для индивидуальности, поскольку прежде всего это знание не монолитно, а множественно, и предлагает не единственную «истину в последней инстанции», а целый набор идей, претендующих на статус истинности. Следовательно, можно выбирать себе идею «по вкусу», безо всякого принуждения. Кроме того, нельзя принудить личность «присвоить» себе какое-либо из «сокровищ этики»: сделать его *своим* (либо отвергнуть как чуждое, либо достроить чем-то еще), она способна на это только самостоятельно, это вообще процесс интимный. Таким образом, изучение любого феномена, входящего в пространство этического знания, не является *самоцелью* и *самоценностью*, а выступает в качестве средства индивидуального идейного «обогащения» для практической жизнедеятельности или, по меньшей мере, для определения стратегических ценностных координат этой жизнедеятельности. Разумеется, не

всякий пожелает воспользоваться потенциальными регулятивными возможностями этики. Кому-то, наверное, интересно *просто знать*, какова нравственная позиция определенного творца этического знания. Но и в сознании такого «безучастного» человека может возникать неожиданное *созвучие* некоторым идеям, побуждающее эти идеи принимать или отвергать, или трансформировать.

Кстати говоря, это самое созвучие способно удовлетворять еще одну немаловажную потребность — потребность в экстерииоризации внутреннего «я», предъявлении себя миру для «закрепления» в реальности. Если я нахожу в пространстве этического знания аналоги своим собственным нравственным представлениям (часто выстраданным в одиночестве), значит, мой уникальный опыт как бы вписан в духовную связь времен, и я уже не так одинок. Этическое знание, подтверждающее индивидуальные «открытия», тем самым как будто санкционирует их значимость и придает протекающим из них поступкам определенную легитимность. Закрепляя свое «я» таким способом, можно приобрести дополнительную опору для своих ценностных ориентаций, особенно значимую, когда нет духовного созвучия с живыми людьми и вообще не за что «ухватиться».

Идейная поддержка, на которую (интуитивно или осознанно) рассчитывает человек, обращаясь к этике, обычно нужна ему для стабилизации *настоящего* (здесь и сейчас) и моделирования *будущего* измерений *его* жизни, но «встреча» с этическим пространством интересна также возможностью вовлечения в этот процесс *прошлого* иных жизней, и, соответственно, «соединения времен». Слова, образующие «ткань» этических текстов, хранят тепло, энергетику размышлений и переживаний *живых* людей, поэтому в случае нахождения резонанса с ними можно «согреть» свое настоящее и «осветить» будущее этим магическим «огнем» прошлого.

Способы «присвоения» этического знания определяются, в первую очередь, личностными особенностями, поэтому их вообще-то великое множество (столько, наверное, сколько людей пробудилось к изучению этики). Вместе с тем можно зафиксировать некоторые общие моменты этого процесса, способствующие уточнению индивидуального стиля взаимоотношений с этическим знанием.

Как уже отмечалось, «оживление» этического знания осуществляется путем интериоризации его фрагментов. Другими словами, *любой* этический текст (не только из оригинальной или исследовательской литературы, но и из более частного источника, — например, письма близкого человека, если оно содержит размышления нравственного

характера), любая этическая идея предполагает умение вдумываться в их смысл, расшифровывать авторскую идею и «примерять» полученный результат к своим рациональным и чувственным представлениям. При этом мысли (автора и интерпретатора) как бы «ищут друг друга» (А. Белый), чтобы соединиться или противостоять, соперничать. Самое важное, наверное, это первоначальное сохранение всегда хрупкого равновесия между значимостью первообраза, закрепившего авторскую, т. е. чужую для интерпретатора, мысль, и собственным смыслом, рождающимся под влиянием этого первообраза.

При взаимодействии («встрече») своего и чужого рождается нечто третье: свое, но уже иное, чем первоначально, в какой-то степени трансформированное чужим. Это, наверное, и есть «ожившее» этическое знание, точнее, его «расколдованный», «заговоривший» фрагмент. Причем совершенно не обязательно, чтобы это новое содержало в себе принципиальную новацию, так как установка исключительно на «расшифровку» авторского смысла без стремления привнести в него нечто отличное (свое), также имеет положительное нравственное значение. Даже повторяя (осознанно, конечно) чужие слова, человек говорит их на свой манер, т. е. заново. Слова ведь, между прочим, все чужие (неоднократно уже кем-то произнесенные, записанные, в общем — использованные), поэтому «задача творчества — выложить свою мысль из чужих унаследованных слов» [1, с. 112]. При этом можно «остаться с автором», а можно «расстаться» с ним и пойти дальше, утверждая свое право быть автором. В последнем случае этическое знание будет использовано только в качестве стимула, подтолкнувшего субъекта к индивидуальному этическому творчеству.

На таком пути, опять же, возможны варианты. Результаты индивидуального творчества могут быть оставлены исключительно для себя, а могут быть зафиксированы в письменной форме, создавая, таким образом, возможности приобщения к ним других людей, желающих участвовать в процессе расширения пространства этического знания. Каждый может выбрать такой способ этического творчества, который ему «по вкусу», а может, конечно, вовсе отказаться от работы такого рода. Тем, кто способен на творческую деятельность и желает ею заняться, целесообразно прежде разобраться в своеобразии этического знания.

Механизм функционирования «практической философии» можно, с известным упрощением, конечно, представить как сложноорганизованное единство «регулятивной идеи», задающей главное направление этической рефлексии; источника энер-

гии этой рефлексии, побуждающего ее постоянную активность; совокупности «предохранителей» («тормозов»), которые как бы не позволяют слишком удаляться от стратегических целей и одновременно защищают этику от саморазрушения. Центральное место здесь принадлежит «регулятивной идее», фиксирующей смысл морали в его, так сказать, предельном выражении. Этот смысл заключается, вероятно, в том, что *мораль призвана способствовать стабилизации человеческого сообщества и утверждению самоценности человека*. Здесь, кстати, можно отметить имманентную связанность и одновременно противоречивость идейных компонентов такого назначения морали, что проявляется в громадном количестве реальных нравственных коллизий. В качестве второго элемента этой условной конструкции выступает, вероятно, осознание извечной антитезы должного и сущего, не позволяющее этической мысли «успокаиваться» и стимулирующее ее на поиск вариантов гармонизации идеала и действительности. Что же касается «тормозов», то в таком качестве выступает ряд идейных ориентиров, в определенной степени ограничивающих этическое мышление. К их числу можно отнести отторжение произвола, в соответствии с чем различные интерпретации нравственной свободы охватываются емкой формулировкой русских идеалистов (вольный отказ от своеволия); осуждение «грязных» средств для достижения нравственных целей; идейную поддержку системы запретов, отраженных в общеизвестных моральных нормах и т. п. Этическое мышление, конечно, время от времени пытается вырваться за пределы этих ограничителей, однако под влиянием преимущественно негативных — реальных или моделируемых — практических последствий, а также соответствующих теоретических результатов, разрушающих основы этического созидания, оно вынуждено вновь принимать их как своеобразную «страховку», предохраняющую от разрушения стратегической целевой установки и, следовательно, этики как таковой.

Именно в таком контексте можно рассматривать знаменательную для всего европейского сознания «смену веков», осуществленную Сократом по отношению к чреватому релятивизмом скепсису софистов. Впрочем, этот урок конструктивного сомнения вовсе не воспрепятствовал в дальнейшем соблазну деструктивно ориентированного мышления, идеологи которого стремились опровергнуть всю предыдущую этику, отказаться от любых запретов в области рефлексии или даже от самой рефлексии. Однако чаще всего такие революционные встряски (чрезвычайно полезные, кстати говоря, для этики, так как не позволяют ей «законсервироваться») оказывались лишь фоном,

подготовкой для утверждения того или иного этического позитива. Даже такой радикальный «разрушитель основ» как Ф. Ницше не удержался «по ту сторону добра и зла»: «Мы должны разрушить мораль, чтобы суметь морально жить» [2, с. 25].

Одной из причин, объясняющих данную особенность этического знания, является то обстоятельство, что оно отражает (и выражает) специфику главного предмета своего интереса — морали, как бы заимствуя механизм ее функционирования. Механизмы функционирования этики и морали нельзя, наверное, признать идентичными, однако аналогия между ними просматривается достаточно определенно. Это связано, в частности, с тем, что можно условно назвать «парадоксом местоположения» этики, которая осуществляет рефлексию над своим предметом и тем самым предопределена приподниматься *над* ним, но одновременно пребывает *внутри* его структуры, составляя пространство упорядоченного морального сознания. Поэтому стремление этики выйти за пределы морали, чтобы «схватить» ее мышлением, никогда не приносит полного очищения этическому знанию от характерных особенностей его предмета. Этим в определенной степени объясняется оттенок морализаторства, неизменно сопровождающий этическое знание во всех его вариациях, сохраняющаяся тождественность терминов «мораль», «нравственность», «этика» и многое другое.

Динамика этического знания, представляющего собой сложным образом организованное, опосредованное идеологическое отражение нравственного бытия, проявляется в интерпретации стратегии «правильной жизни» (если ее рассматривать в качестве относительно самостоятельного элемента «регулятивной идеи» этики). Здесь также можно обнаружить блок целеполагания, фундаментированный идеей самореализации личности; некоторую «энергетику», связанную с антиномичностью центральных жизненных ориентаций; определенный набор «тормозов» для предохранения от возможной нравственной деградации.

Понятно, что такая абстрактная модель динамики этики и ее основных смыслообразующих компонентов в известной степени упрощает, унифицирует и, следовательно, огрубляет «живую» этическую и нравственную реальность. Тем не менее она обладает достаточным эвристическим потенциалом, позволяющим рассматривать пространство этического знания под определенным углом зрения, высвечивающим некоторые его закономерности.

Этика всегда не только изучала мораль, но и моделировала ее идеальный облик, предписывая его в качестве должного. Другими словами, она пре-

тендовала на обоснование такого должного, с помощью которого можно было бы изменять сущее, созидать «хорошую» нравственность. Вряд ли есть основания полагать, что «практической философии» удалось удовлетворительно справиться с этой задачей или, по меньшей мере, что она справляется с ней все лучше и лучше с течением времени. Объясняется такое положение дел целым рядом причин, одной из которых является локальность этического воздействия на реальность. Конкретная этическая система способна повлиять на отдельных людей или на некоторую их совокупность, но не на весь мир: «правильные рецепты» адресуются, конечно, всем без исключения, однако не все их знают, из знающих — не все понимают, а среди понимающих — не все принимают. Вообще любая идея, которой суждено «овладевать массами», сущностно искажается (под влиянием интеллектуальной и общекультурной «недостаточности» этой массы или ее утилитарных интересов), в результате чего ее практические воплощения часто предстают в виде карикатур идеального первообраза. Кроме того во все времена большинство людей вынужденно или добровольно оказываются вне всякого этического контекста, хотя и погружены во всепроникающий контекст нравственный.

На основании всего этого напрашивается вывод о том, что мораль вполне может существовать без этики..., а вот этика невозможна вне и без морали (помимо всего прочего, любой творец этического знания — человек, поэтому он не в состоянии вырваться за нравственные пределы). Мир морали, таким образом, не помещается в этическое пространство, его нельзя охватить полностью ни какой-то одной этической системой, ни их совокупностью. Этическая рефлексия — в любом своем проявлении — обречена высвечивать лишь фрагмент в неисчерпаемом многообразии нравственного бытия, поэтому известная сентенция Конфуция: «Людей, понимающих мораль, мало» [3, с. 166], — никогда не утратит своей актуальности.

При всем этом, однако, этике вряд ли нужно отражать и осмысливать весь объем разноликого, изменчивого морального мира, она может быть настроена на выявление его «полифонического единства», определяемого *смыслом морали*, скрывающимся за ее неисчислимыми конкретными значениями.

В общем, сопряжение этики с нравственной составляющей реального мира весьма проблематично, причем известная аналогия в механизмах их функционирования, о чем говорилось прежде, нисколько эту проблематичность не уменьшает. Если движение от морали к этике представляется более-менее ясным, то на пути возвращения этики к конкретному нравственному бытию с целью

его «исправления» выработанными должными идеалами возникает такое количество препятствий, что вопрос о практической значимости «практической философии» начинает выглядеть нелепо: ответ на него слишком часто оказывается отрицательным. Но на всякое «нет» непременно найдется свое «да». Бессмысленность этики в контексте сомнительности ее практической эффективности оказывается лишь видимостью, если мы посмотрим на нее под иным углом зрения.

Если, отправляясь «от противного», представить себе человеческое сообщество без этики, то становится понятной цена изъятия из культуры ее «души» (А. Швейцер). Даже если «практическая философия» никогда не предложит «сильных» инноваций, а будет просто воспроизводить традиционные нравоучения, уже одним этим она оправдывает свое существование. Наверное, главное достижение этики — создание плодотворного идейного фундамента, обеспечивающего *возможность выбора* точки опоры (или хотя бы стимула) для индивидуальных нравственных исканий. Содержательная вариативность, стилистическое разнообразие, незавершенность и дискуссионность этического знания в целом делают его открытым каждому человеку, ограничивая свободу его волеизъявления лишь настолько, насколько он сам этого захочет: можно выбрать концепцию или учение по своему усмотрению, а можно, «пропитавшись» этическими идеями и отвергнув их все, предаться собственному этическому творчеству. При этом локальность этического воздействия, рассмотренная ранее с ее отрицательной стороны, будет выглядеть совершенно иначе — как условие обеспечения каждому человеку права на «самозаконотворчество воли». Не должны ведь все «творцы морального закона» питаться одинаковой духовной пищей, разным требуется разное, а что касается желающих совсем от такой пищи отказаться, то и это запретить нельзя.

Тот факт, что этическое знание изменяется с течением времени, сомнений не вызывает, однако оценка характера этих изменений и обнаружение их стратегической направленности связаны с серьезными трудностями. Для того чтобы делать выводы о наличии (отсутствии) прогресса в области «практической философии», надо в первую очередь определиться относительно его критерия. Такой критерий должен быть связан, вероятно, с увеличением «суммы» этического знания и степени его разнообразия, усложнением и углублением этической рефлексии, расширением возможности (и действительности) инновационного творчества. Но этих слагаемых недостаточно, необходимо, чтобы в происходящих количественных и качественных изменениях обнаруживалась тенденция при-

ближения этики к ее «регулятивной идее», или, другими словами, успехи ее в этом стратегическом смысле обозначились все более определенно.

Накопление объема этического знания и усложнение его новых составляющих (и их субординация с прежними), а также углубление этической рефлексии достаточно очевидны. Вряд ли можно усомниться и в увеличении степени его «многоликости», особая роль в котором принадлежит XX веку с его мозаичной картиной этического сознания, преимущественно настроенного на инновационную волну. В этом отношении современная этика в большей мере отвечает реальной множественности индивидуальных нравственных интенций, чем раньше (хотя, кстати говоря, рискует недооценить значение «тормозов» и утратить скрепляющие *пока* эту множественность общечеловеческие компоненты, т. е. ту самую *форму*, которая *со-держит*).

Что касается проблемы инноваций в этике, то она представляется значительно более сложной и, конечно, лишенной статуса однозначности, столь привлекательного для здравого смысла. Имея это в виду, попробуем все же коснуться хотя бы некоторых ее аспектов. Известно, что этика — область довольно традиционного знания, степень консервативности которого весьма велика. Одной из главных причин такого положения дел является опосредованное отражение и выражение в этом знании *смысла морали*, связанного со стабилизацией человеческого сообщества, что как бы заставляет нравственную философию искать, фиксировать и вменять в качестве должного некоторые общечеловеческие ориентации, способные противостоять релятивности индивидуальных установок. Консерватизм этики, задаваемый уже на уровне ее «целевого блока», включающего в предвидении опасности (деструкции сообщества) систему «предохранителей», изначально препятствует инновационным внедрениям, по крайней мере, наиболее существенным. Не случайно в качестве иллюстрации традиционности «практической философии» часто используется образ калейдоскопа: набор разноцветных стекляшек в стеклянную трубочку закладывается на ранней стадии становления этической рефлексии, а в дальнейшем различные этические «узоры» зависят от поворачивания этой самой «трубочки». Если придерживаться такого метафорического стиля и дальше, то можно предположить, например, что некоторым эпохам (в лице наиболее значительных моралистов) удастся добавить к исходному набору парочку «стекляшек»; что в восточной и западной традициях этического знания исходные наборы несколько различаются, как и отличается манера поворота «трубочки» или восприятие видимого «узора» и т. д. Ясно, во всяком случае, что осно-

воположения этики (содержательная тематика, дефинитивное пространство, ряд нормативных положений) складываются действительно достаточно рано и сохраняются на протяжении всей истории.

В этом контексте парадокс этического творчества заключается в том, что его субъект не может избавиться от своей особенности, уникальности, да и не должен этого делать, иначе утрачивает смысл идея полноценной самореализации личности, входящая в «целевой блок» этики; с другой стороны, он не может (и не должен) выражать в этих проектах лишь себя, поскольку в таком случае проект непременно лишится какой бы то ни было универсальности.

Вероятно, специфика этического знания как бы побуждает к смещению привычных акцентов оценки его значимости в иную плоскость, не связанную с непременным выявлением прогрессивной тенденции развития. Гораздо важнее проблема сохранения накопленного человечеством этического потенциала, уменьшение степени востребованности которого или, тем более, так или иначе мотивированное (например, на основании недостаточной практической эффективности) его уничтожение чревато опасностью вполне явного духовного регресса.

Сам факт существования в культуре этического знания, многоликость которого способна чудесным образом складываться в некую целостность, создает уникальную возможность обеспечения человеку «встречи» с самим собой и с другими или хотя бы понимания путей, ведущих к ней. «Практическая философия» как бы приглашает к сознательному жизненному творчеству любого «ученика», получающего равное с другими право на заполнение пространства этического знания, даже если его опыт такого рода остается незамеченным или вступает в противоречие с иными ценностными установками. Именно такая ориентация предлагается в качестве доминирующей для процесса конкретного приобщения к различным фрагментам этического знания.

Список цитированных источников

1. *Гаспаров, М. Л.* М. М. Бахтин в русской культуре XX века / М. Л. Гаспаров // Вторичные моделирующие системы. — Тарту, 1979.
2. *Ницше, Ф.* Собр. соч.: в 2 т. / Ф. Ницше. — Т. 1. — М., 1990.
3. *Лунь юй.* Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. — Т. 1. — М., 1972.

Дата поступления в редакцию: 10.03.2014 г.